Под ногами Григория лежала ненадёванная попонка, на попоне порядком разложены были: седло, с окованнями, прешпта "зеленое лепчиком, с саквами" и задними сумами, две шинели, две пары шаровар, мундир, две пары сапог, белье, фунт и 54 золотника сурожи, банка консервов, крупа и прочая в полагаемом для всадника количестве снеди. В распутанных сумах виднелся круг, — на четыре ноги, — подков, уклами завернутая в промасленную тряпку; шитвянка с парой иголок и нитками, полотенце.

Григорий в последний раз оглядел свои попонки, присел на корточки и ветер рукавом изнаванные края вёзочных попонок. От конца площади медленно тянулась над рядом выстроившихся над отвою попон казаков комиссия. Офицеры и атаман внимательно рассматривали казачье снаряжение, присаживаясь подбирая полы светлых шинелей, копались в сумах, разглядывали шитвянки, на руку чье сунок с сахаряна.

— Гля, ребята, вон энтот высокой длинной, — говорил парень, стоявший рядом с Григорием, указывая пальцем на окружного военного пристава, — копает, как кобель копытом норо.

— Ишь, ишь, чертяка, сумку выворачивает!

— Должно кто-нибудь, а что-б не стал трусить.

— Штанто он, энакак уклами считает?

— Во, кобель!..

Разговоры смолкли, комиссия подходила ближе, до Григория оставалось несколько человек. Окружной атаман в левой руке нес перчатку, правой поглаживал ее сгиная в локте. Григорий подтянулся, сзади похлопывал отец. Ветер перевивал запах конской мочи и подтаявшего сена. Группа офицеров задержалась около казака, стоявшего рядом с Григорием и по одному подошли к нему.

— Фамилия, имя?

— Мелехов Григорий.

Пристав за клапстик приподнял шинель, понюхал подкладку, бегло пересчитал застёжки, другой офицер с погонами корнета мял в пальцах одно из кусков шаровар; третий нагибался так, что на спину ему полы шинели шарили по сумам. Пристав между мизинцем и большим пальцем осторожно, почти к горячему прикоснулся к тряпке с уклями, шлепая губами сгнил:

— Почему 23 уклая? Это что такое? — сердито дернул он угол тряпки.

— Никак нет, ваше высоко-благородие, 24.

— Что я — слепой?

Григорий суетливо отвернул заголившийся угол, прикрывший двадцать четвертый уклаль, палец его шероховатый и черный слегка прикоснулся к белому сахарному пальцу пристава. Тот дернул рукой, как